

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ КРАЙОНОВ

ТОМ II

АРОН
РОДОВИЧ

Арон Родович
Имперский детектив
Крайонов. Том II
Серия «Имперский детектив
Крайонов», книга 2

*<https://litres.ru/73175473>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Два дела закрыты. Точнее... казались закрытыми — пока не начали медленно, но верно перерастать во что-то куда более длинное и мерзко-многослойное.

Имперская канцелярия внезапно вспомнила о моём существовании и о моём «почётном» аристократическом статусе, который я, кстати, даже не просил. Теперь за мной присматривают люди, от чьих визитов обычно скрываются под столом даже уважаемые бароны.

И это только начало.

Потому что есть ещё одно дело. То самое. Единственное, которое я так и не закрыл.

И новости, мягко говоря, неутешительные.

Я, Роман Аристархович Крайонов, вроде как всё ещё детектив. Но чем дальше, тем больше возникает ощущение, что расследуют уже меня.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	62
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Арон Родович

Имперский детектив

Крайонов. Том II

Глава 1

И как же меня угораздило, и где я вообще всплыл, что ко мне всё-таки пришла Канцелярия.

Сейчас я стою в одном из её офисов в Серпухове – серые стены, потёртый линолеум, запах бумаги и нервов – и наблюдаю, как Женёк с Ксюшей поочерёдно ругаются с какой-то злой тёткой за стойкой.

Тётка, будто принципиально не слыша нас, монотонно повторяла:

– Тут нужна справка о здоровье.

Женёк вспыхнул как спичка:

– Какая справка? Вы же сами вызвали нашего господина!

Да... «господин». Теперь он меня так называет. Вроде в шутку, но уже почти автоматически.

Тётка даже не моргнула:

– И ещё справка по форме три-пять. О состоянии лицевых щитов.

Ксюша сорвалась моментально:

– Да при чём тут лицевые щиты, если он получает статус барона?!

Я стоял рядом и гладил кота, который спал у меня на плече так спокойно, будто происходящее его вообще не касалось. Чёрный наглец был единственным, кому сейчас действительно было всё равно.

И вот в разгар этой перепалки вошёл Артур Иванович – тот самый «неприятный сюрприз», которого я до сих пор вспоминаю с нервным смешком. Он протянул документы: наследство от отца. Дом в Подольском округе – по сути, почти Москва, – и счёт на полтора миллиона рублей.

Получить деньги я не мог – счёт заморожен до подтверждения моего статуса. То же касается и банковской ячейки, о которой мне сообщили вскользь, будто невзначай.

И вот здесь-то меня и накрыло вопросом, который раньше я обходил стороной:

от чего умер мой отец на самом деле?

До этого я просто верил интернет-слухам: самоубийство, долги, бытовая трагедия. Но теперь, когда у меня на руках документы на дом, деньги, да ещё и наследственные активы, которые отец явно не собирался никому показывать при жизни... возникает неприятная, но логичная гипотеза.

Особенно после дела Элизабет, Крановых и Белозёрских.

Там тоже всё выглядело «очевидно», пока мы не раскопали слои чужих игр.

Так что мысль о том, что отца могли убрать – уже не ка-

жется паранойей.

И что парня, тело которого я занял, избил не отец, а нападающий, который просто подшил всё под суицид, – тоже.

Хотел ли я разбираться?

Не очень. Если честно, совсем не горел желанием. Особенно зная, что Канцелярия откроет мне доступ ко всем документам только после вступления в баронский статус. Всё равно копать придётся позже – так или иначе.

Тем временем Ксюша раскалилась как печка. И, что забавно, когда она злится, она становится ещё более симпатичной. Маленькая фурия в юбке, длинных гольфах и коротком топе – будто специально выбрала одежду, чтобы смотреть на неё было мучительно. Она наконец-то выбралась из своего балахона и выглядела... ну да, выглядела так, будто прекрасно знает, какая у меня уязвимость.

И теперь она официально работает со мной.

Не «подчинённая», а правая рука – это зафиксировано ритуалом в Канцелярии.

Женёк тоже подписался как помощник детектива. И отреагировал спокойно, почти флегматично, когда узнал, что я аристократ:

– Ну, Ром, – сказал он, – по тебе видно, что ты нормальный. Теперь буду в обществе называть тебя господин. "Мой господин". – И заржал как дурак.

Я только ладонью по лицу хлопнул.

Но теперь агентство Крайонов – это не один псих с котом,

а троица: я и два помощника.

И всё бы шло своим ходом, если бы не ещё один странный штрих последних дней.

Мастер, который занимался покраской нашего «Хамелеона», внезапно пропал. Просто исчез. Телефон – вне сети, в мастерской – не появлялся.

Поэтому после Канцелярии мы должны были заехать к Лёхе в гараж, забрать его и уже вместе съездить в ту мастерскую – поговорить с теми, кто там остался. Помощники, разнорабочие – кто угодно. Хоть кто-то, кто сможет объяснить, что произошло, и куда делся наш возможный информатор.

И чем больше я думал, тем чётче понимал: слишком много странностей.

Слишком много совпадений.

И слишком много людей внезапно начали исчезать вокруг дел, к которым я хоть как-то прикоснулся.

А это значит только одно – оно всё связано.

Хотя бы на каком-то уровне.

А ведь действительно – мать Элизабет и Ксении Витальевны тоже куда-то испарилась.

И да, она бесится, когда я называю её полным именем, но не из-за того, что я «порочу имя отца». Нет. Она злится, потому что я ей таким образом напоминаю: какая-никакая, аристократка. И что у её отца есть нюансы, которым, скорее всего тоже нужно будет уделить своё время в будущем.

Если честно, меня начало тянуть поковыряться в грязном

белье аристократов. Уж очень там много всякого интересно-го. Но сейчас – не об этом. Сейчас у меня перед носом стоит эта вредная тётка, которая упорно не хочет принимать мои документы.

Так. Ладно.

Пора доставать старый добрый план – тот самый, который в прошлой жизни я называл «подсластить бухгалтершу».

Я сунул руку в задний карман, потом вспомнил, что переложил секретное оружие во внутренний карман куртки – и достал небольшую, очень дорогую шоколадку. Настолько дорогую, что сам бы я такую не купил. Внешне обычная, но внутри – какие-то странные зелёные волокна. Не волосы, конечно, но выглядят именно так. Я никогда не понимал смысла этого деликатеса, но все, кто его пробовал, сходили с ума. Значит, и здесь сработает.

Я протиснулся между своими... коллегами? Напарниками? Да, именно так надо это формулировать. Встал ближе к стойке, наклонился к тётке и мягко сказал:

– Дорогая... – и сделал паузу, давая ей шанс представиться.

Она прищурилась.

– Галина.

– Дорогая Галина, – повторил я уже увереннее. – Разрешите представиться: Роман Аристархович Крайонов. Именно мне нужно получить баронский статус. И, возможно... вы поможете такому молодому человеку?

В этот момент я положил на стол перед ней шоколадку и пододвинул ближе.

Глаза Галины зажглись так, будто я протянул ей не сладость, а бессмертие. Да, работает.

Она уже тянулась забрать и даже положила на неё руку, но я не отпустил – пока.

– И, может быть, – продолжил я мягко, – вы... закроете глаза на некоторые недочёты в наших документах? Таких малюсеньких, не стоящих внимания такой прекрасной женщины, как вы?

Галина настойчиво пыталась забрать уже, как думала, "свою добычу", но я держал. Не сильно. Просто ровно настолько, чтобы она должна была согласиться, прежде чем получить.

Передо мной развернулась целая трагедия. Я видел, как она колеблется между двумя кайфами:

Первый – заставить меня страдать в очередях и инстанциях.

И второй – получить шоколадку, которую она, очевидно, мечтала «вынести» за пару секунд.

Я даже представил её в аду. Если он существует, то там, несомненно, есть отдельный отдел, где люди бесконечно стоят в очереди и бесконечно приносят новые документы. И именно таких Галинок туда ставят – чтобы они вечно отправляли тебя «за ещё справочкой».

Но жадность победила.

– Ладно... хорошо, Ромочка, – протянула она, уже забыв о суровости. – Помогу я вам сегодня так и быть.

Я наконец отпустил шоколадку. Она прижала её к себе почти с нежностью.

Теперь, когда она уже была на нашей стороне, я позволил себе рассмотреть её внимательнее.

Фиолетовые волосы – собранные в пучок, причём ощущение, что не все волосы её родные.

Густая синяя тушь.

Красная, ядовитая помада.

Женщине лет шестьдесят пять... не очень идёт вся эта молодёжная раскраска, но именно таких женщин почему-то и ставят на подобные должности: суровых, громких, непробиваемых, но с маленькой кнопкой «шоколад» вместо сердца.

Галина взяла мои документы уже другим движением – быстрым, ловким, деловым, но при этом с лёгкой нервозностью человека, который хочет как можно скорее спрятать трофей. Шоколадку она утащила в ящик стола так стремительно, будто совершила государственную измену.

И по её глазам было видно: она уже представляет, как будет «вкусно-вкусно» есть её во время внеочередного обеда... точнее, чаепития... а если по табличке – «перерыв на переучёт». Канцелярский язык – это особый диалект ада.

– Ну смотрите, Ромочка, – протянула она уже почти ласково, пролистывая документы. – В принципе, всё нормально. Вам нужно сейчас зайти в десятый кабинет, там поста-

вить вашу подпись. После этого – в пятнадцатый кабинет: там принесёте дополнительную клятву верности Императору. Потом возвращаетесь ко мне, я подготовлю документы. И после этого... – она прищурилась в потолок, пытаясь вспомнить, – зайдёте в седьмой кабинет.

Я уже запутался на середине списка. Но боковым зрением увидел, как Ксюша за моей спиной активно кивает и буквально мотает головой, запоминая всё, что говорит Галина. И я подумал: вот не зря я её уговорил работать со мной. Со всем не зря.

Галина продолжала перечислять кабинеты, но внимание у меня уже ускользнуло. В холле показался парень – тёмные волосы, спокойное лицо, слишком спокойное.

Слишком правильная мимика.

Слишком отточенные движения.

Слишком ровная походка.

У меня по спине неприятно прошло – словно я увидел кого-то... своего. Из той, прошлой, жизни. Человек, который умеет выключать эмоции и включать режим «работа» так же легко, как я когда-то.

Он вошёл в просторный холл, где стояло ещё восемь таких окошек, каждая с собственной Галинообразной тёткой, и остановился ровно в центре, будто метка на полу. Ждал. Не спешил. Просто стоял – как делает тот, кто уверен, что мир подстроится под него.

И именно в этот момент из другого конца зала вышел

мужчина лет сорока пяти – пятидесяти и почти на весь холл объявил:

– О, господин Демид, здравствуйте!

Парень едва заметно скривился. Маска стабильности и холода на долю секунды – слово «господин» явно било ему по нервам.

– Ваши документы на вступление в ваш статус уже готовы. Пройдёмте, мы вас ожидаем.

Парень коротко кивнул и пошёл вперёд.

Он выглядел чуть старше меня. И почему-то слишком знакомым по типу.

Я хотел рассмотреть его ещё, додумать... но Галина перехватила меня резким, почти щелчковым:

– Вы всё запомнили, Ромчик?

– Да-да, конечно, Галина, всё запомнил, – сказал я, прекрасно понимая, что не запомнил ровным счётом ничего. – И ещё раз большое вам спасибо за помощь.

Она улыбнулась – довольная, как кошка, которая только что украла сметану.

Я улыбнулся ей в ответ – той самой аристократической улыбкой, которая досталась мне вместе с этим телом.

Мы отошли от окна, и я сразу повернулся к Ксюше:

– Ты всё запомнила?

Она фыркнула и покачала головой:

– Я так и знала, что ты ничего не запомнишь. Да, я всё запомнила. Пошли. Нам сейчас в десятый кабинет.

Беготня по кабинетам заняла ещё около полутора часов. Женёк, правда, сдался минут через пятнадцать.

– Ну... вы уже держитесь как-то без меня, а я пойду машину прогрею, – буркнул он и исчез, оставив меня на пару с Ксюшей.

Я крикнул ему в след.

– Предатель! Бросил своего Господина.

На что он ответил.

– Ты ещё не господин.

А Ксюша, похоже, откровенно наслаждалась процессом.

Каждый раз, когда я начинал ныть, что мне надоело ходить туда-сюда, она улыбалась всё шире, будто каждая моя жалоба была её личным бонусом за работу.

Чёрный мерзавец на моей шее, конечно, был единственным существом во всей Канцелярии, кому на происходящее было полностью плевать. Он спал себе и спал, и даже когда я подёргивал плечом, чтобы скинуть его хоть чуть-чуть – только плотнее устраивался, как шарф.

И вот – последний кабинет. Номер двадцать восемь.

Я вошёл и по привычке сразу отметил детали помещения.

Кабинет был небольшой, но аккуратный: высокий узкий шкаф в углу, стопки бумаг на подоконнике, старый герб Империи на стене, лампа тёплого света, от которой на столе ложилась ровная круглая тень. На рабочем столе – аккуратно разложенные папки, и справа – небольшой, уже изрядно потёртый блокнот в тёмно-синей обложке. Рядом лежала ручка

с металлическим колпачком.

За этим столом сидел сухощавый старичок лет шестидесяти пяти. Но взгляд у него... я узнал бы такое в любом мире.

Это взгляд человека моей бывшей профессии – того, кто умеет и допрос вести правильно, и людей читать, как открытые книжки.

Он оценил меня моментально. Не в лоб, не грубо – а тем самым скользящим взглядом, который обычный человек даже не заметит.

Но я видел, как его глаза, ловя каждую мою паузу, каждое моргание, скользили по моим движениям и позе, будто делали быстрый скрытый анализ. И это было знакомо.

Значит, и здесь, в Империи, есть свои инструктажи по чтению людей. Абсолютно логично.

– Добрый день, молодой человек, – произнёс он спокойно. И сделал паузу, чтобы я представился.

Я чуть склонил голову.

– Роман Аристархович Крайонов? Уже, по идее, барон..

В ответ он также повторил мой жест и продолжил.

– Так вот господин Крайонов – последняя инстанция – это я. Мы должны подтвердить, что вы не собираетесь навредить Императору, Империи или императорской семье. Затем я выдам вам инструкции для аристократов: брошюры, правила поведения, обязательные действия при определённых событиях. Пока я готовлю документы – присядьте.

Он демонстративно поставил поставил папку перед собой

и открыл её.

Я сел.

И в этот момент старичок буквально «сменил лицо»: глаза стали сосредоточенными, резкими, будто внутри включили сканер.

Он начал:

– Итак, Роман Аристархович. Вы хотите навредить нашему Императору?

– Нет, – спокойно ответил я. Это была чистая правда.

Он взял ручку и сделал пометку в том самом блокноте, который лежал справа от него. Небольшое, точечное движение кисти – и взгляд снова на меня.

Интересно, что именно он там фиксирует.

– Следующий вопрос. Вы готовы предать Империю вражеским сторонам?

– Нет. А у Империи есть вражеские стороны? – спросил я автоматически.

Он поднял на меня глаза, и пустая улыбка едва тронула уголки рта.

– Хороший вопрос. Я бы с вами его обсудил, но к счастью здесь вопросы задаю я. Или, к не счастью, – кивнул он уже почти иронично.

Снова ручка коснулась блокнота справа. Точная, спокойная отметка.

– Вы работаете на какую-либо враждебное формирование? Являетесь шпионом?

– Нет.

– Хорошо, – протянул он почти ласково, будто дедушка, хвалящий внука.

И снова – пометка. Я отчётливо слышал, как шариковая ручка царапнула бумагу.

– И последний вопрос. Вы хотите быть аристократом?

– Нет.

Вот тут он сбился. На долю секунды – но я это поймал.

Микродвижение глаза.

Лёгкая дрожь пальцев, держащих ручку.

Небольшой сбой дыхания.

Ответ его удивил.

– Интересно, – произнёс он после короткой паузы. – Впервые слышу, чтобы вступающий в родовой статус не хотел быть аристократом. И почему же вы тогда здесь?

– Всё очень просто...

Сделал я такую же паузу, как и он вначале, давая ему возможность представиться.

– Глеб Филиппович, – чуть склонил он голову.

– Так вот, Глеб Филиппович, – продолжил я. – Не я захотел. Канцелярия решила, что мне положен баронский статус. Поэтому я здесь. А кто я такой, чтобы спорить с законом Империи или решениями Императора?

Это рассмешило его по-настоящему.

Не пустая улыбка – настоящий короткий смешок человека, который услышал знакомую истину.

– Понимаю вас, барон Крайонов. Поздравляю. Вы вступили в статус официально. Теперь можете носить кольцо на среднем пальце правой руки – это знак преданности Империи.

Странное место, мелькнуло у меня в голове. Средний палец.

Но в Империи свои правила. И свои магические объяснения. Финальная точка магических плетений приходится именно на средний палец.

Мне пока плести особо нечего – но мой дар продолжал работать. По крайней мере, с появлением кота я практически перестал ловить случайные чужие эмоции на предметах. Контроль становился легче.

Старичок пододвинул ко мне праздничный пакет с золотой тесьмой.

– Здесь приветственный комплект для новых аристократов: документы, справки и небольшой подарок. Рад пополнению Аристократов Империи такими спокойными и адекватными людьми.

– Спасибо, и всего доброго, – я встал и покинул кабинет. Подарки от Империи это хорошо. Но я то понимаю, что к подаркам и проблем накидали.

Глава 2

Выйдя из кабинета, сразу встретил взгляд Ксюши – в нём читался вопрос: «Ну чё там?». Я показал ей средний палец, показывая тем самым, что её счастливое лицо тут совсем не к месту. Она закатила глаза, но через секунду подпрыгнула, обняла меня и тихо прошептала на ухо:

– Поздравляю, мой господин.

Хихикнула, слезла с моей шеи и куда-то умчалась к выходу.

Вот дурёха, подумал я про себя, и двинулся за ней.

И заметил про себя: «А приятно всё-таки».

Она скрылась за каким-то поворотом, а я внезапно понял, что, кажется, забыл, как вообще сюда пришёл. Слишком много этих кабинетов.

Так... по логике, если это двадцать восьмой, то нужно идти по уменьшению. Двадцать восемь – значит, второй этаж. На крайний случай, если вдруг вообще не найду, всегда есть запасной пожарный выход под названием «окно». Но нет, слава богу, картографическим кретинизмом я не страдал, так что выход из этого филиала ада нашёл быстро.

И тут меня ждал ещё один сюрприз: возле чёрной «восьмёрки» стояли трое – Ксюша, Женёк и тот самый парень, которого мы видели в центральном зале Канцелярии. Тот, кого встречали с почестями.

Его мимика изменилась: теперь это был дружелюбный, спокойный человек. Он переключил подачу, голос, поведение – всё подстроил под ситуацию.

Это заставило меня напрячься.

И ещё я заметил отличия между «первым» и «вторым» появлением. Как на картинках «найди десять отличий». Первое – его выражение лица: добродушное, располагающее. Второе, куда сильнее удивившее: на среднем пальце у него появилось кольцо. Такое же, как у меня.

Кольца в Империи чётко различались по цветам.

Белое – барон.

Зелёное – граф.

Фиолетовое – герцог.

Красное – князь.

И ещё было кольцо из трёх цветов – красного, фиолетового и зелёного – для детей Императора и самого Императора. Удобно: сразу видно, кто перед тобой стоит.

И вот передо мной стоял такой же зелёно-глазый, «белокольцовый» паренёк. Тоже барон.

Я решил подойти к этой дружной компании и узнать, что происходит. Не потому, что боялся, что моих помощников уведут. Я боялся другого – что этот парень принесёт новые проблемы в мою жизнь. А у меня и без него их хватало.

Спускаясь по лестнице – массивной, каменной, с чёрными ступенями и металлическими перилами, – я ещё раз отметил масштаб здания. Белый крупный камень, строгая ар-

хитектура, каждый сантиметр которой будто кричал: «Вот здесь власть. Я – власть. Я управляю всем в Серпуховской области». И ступени были продолжением этого посыла.

Отдельный пандус для женщин с колясками и для людей с ограниченными возможностями выглядел странно – последних в Империи было очень мало. Это удивляло меня с самого момента попадания в этот мир: он словно был более «идеальным» по умолчанию. Здесь почти отсутствовало понятие врождённой инвалидности. Нет, конечно, были люди, которые теряли конечности или здоровье из-за войн, аварий, столкновений. Но чтобы ребёнок рождался с пороками... я не встречал. Возможно, у простолюдинов такие случаи иногда бывали, но крайне редко. Медицина и маги-лекари здесь действительно делали чудеса – вплоть до коррекции проблем ещё в утробе. И это входило даже в базовую имперскую страховку. Была и расширенная, но за неё нужно было платить. Поэтому что она предоставляла я в точности не знал.

К этому моменту я уже подошёл ближе и услышал разговор. Говорил тот самый парень с чёрными волосами – Демид.

– Я только что получил баронский статус. Хотел бы с кем-то отметить. Друзей у меня нет. Как вы на это смотрите? Вы такая... прикольная пара.

Ксюша сразу замахала руками:

– Не-не-не, ты неправильно понял! Мы не пара. Мы помощники детектива.

– О! Вы детективы?

– Не-не-не, мы не детективы...

Слишком он строит из себя тупого, подумал я.

– Добрый день, коллега, – сказал я, подходя ближе.

Я демонстративно протянул руку – кольцо ведь носилось на правой кисти, чтобы собеседник сразу понимал, кто перед ним.

Парень посмотрел на моё кольцо и оживился:

– О, вы тоже сегодня получили статус барона? Или вы здесь по другим делам?

– Да, тоже сегодня, – ответил я. – Разрешите представить-ся. Роман Аристархович Крайонов.

Он потянул руку в мою сторону, и в этот момент у меня на шее ожил вечный спящий чёрный засранец:

«Осторожно. Берегись, рука».

«Ага. Понял, как ты работаешь. Сейчас было не до тебя чёрный.»

Потому что в следующую секунду его ладонь легла в мою – и кожу реально подморозило. Холод прошёл не поверхностно, а как будто провалился внутрь, тонкой ледяной струёй, от которой пальцы свело по суставам.

Он пожал руку и ровно произнёс:

– Очень приятно. Господин Роман Аристархович. – Сжал он чуть сильнее руку. И тут же представился сам: — Демид Давидович Мариарцев.

А руку он не отпустил. Наоборот – усилил сжатие.

Холод становился плотнее, глубже, прожигая уже не ко-

жу, а будто саму кость. Тот самый ледяной ожог, когда так холодно, что почти горячо. Но я стоял и терпел – не из колбасы сделан.

– Так что вы предлагали моим спутникам? – спросил я, не дёрнувшись.

Он наконец отпустил. Лицо при этом осталось идеальным, неподвижным – гладкая маска без единого намёка на эмоции. И даже если бы я что-то уловил, вероятность девяносто процентов, что это была бы лживая эмоция. Слишком уж он стабилен.

Я бы понял такую выдержку у того старика, с которым разговаривал пару минут назад, но не у парня моего возраста. А может, чуть старше. Контроль у него был не только над лицом – жесты, мимика, дыхание, всё подогнано так, чтобы не выдать ничего лишнего. Когда он подносил руку, я не увидел ни малейшей угрозы. Просто движение. Просто рукопожатие. Как будто и правда – ничего особенного.

Опасный тип. Очень опасный.

– Мы же в принципе, тоже думали отпраздновать... – встряла Ксюша, – ведь так, Ром? То есть... простите, господин Роман Аристархович.

Я закатил глаза. *«И ещё ты мне, егоза, повыпендривайся,»* – пронеслось в голове.

Но вслух сказал спокойно:

– Ну, в принципе, да. Как видите, у нас не особо торжественная карета, – я показал на восьмёрку. – Всего две две-

ри. Так что вам, вероятно, придётся пригнуться и сесть назад, со мной. Если вы решите с нами отпраздновать.

Сажать его рядом с Ксюшей я точно не хотел.

«Ревность, Рома? Серьёзно? Фу-фу-фу, прекращай. Сейчас точно не время.»

Передо мной стоит человек, который держит эмоции намертво, и даже сейчас я не понимаю, что у него в голове. А я думаю о чём? О том, чтобы он не сел рядом с девушкой. Великолепно. Просто идеально.

В голове я, честно говоря, ожидал, что он откажется – всё-таки праздновать мы собирались чуть позже. Сначала я планировал заехать к Алексею и узнать адрес мастера по покраске, который работает с краской-хамелеон. А он, собака... стоит счастливый, что мы согласились.

Вот тут я так и не понял: это я смог с него эмоцию считать, или он сам мне её выдал. Но эмоция была настоящей.

– Да нет, – он улыбнулся так, как будто по настоящему был бы рад провести с нами время, – у меня нет никаких дел. Поэтому да, поехали вместе и отпразднуем. Только я, наверное, предпочёл бы ехать не на заднем сиденье, а вызвать такси. Так что давайте выберем какой-нибудь хороший ресторан в Серпухове. Если что – я угощаю. Это же я первый пригласил вас на мероприятие.

Я уже открыл рот, собираясь занять позицию взрослого мужчины с деньгами, когда получил очень больно – Ксюшиной пяткой по ноге. Она посмотрела так, что мысль была

прочитана без слов: «не выпендривайся».

Значит, когда я вижу, что она выпендривается, мне можно только думать об этом, а ей ещё и переходить к действиям. Хм.

– Да, конечно, Демид, – сказал я вслух. – Вы не против, если без отчества?

– Да, конечно. На сегодняшний вечер – точно не против. Мы же только вступили в статус аристократов, так что можем пока почувствовать себя, как раньше. Просто людьми.

Он даже рассмеялся.

– Давайте я приглашу вас в ресторан «Чёрный Лебедь». Знаете, где он?

– Знаю, – кивнул я.

Он находился буквально в двух кварталах от нашего бизнес-центра, по той же улице, ближе к перекрёстку.

– Тогда минут через тридцать отлично, – сказал он. – Я успею заехать домой и переодеться.

– Давайте минут через сорок пять, – сразу добавила Ксюша. – Я тоже хочу переодеться.

Мы втроём посмотрели на неё.

– Сорок пяти минут вам хватит? – учтиво уточнил Демид.

– Мальчики, ну что вы, – улыбнулась она. – Я могу и быстро.

На том и порешали.

Он вызвал такси, а мы начали грузиться в нашу восьмёрку. Первое, что я услышал, – голос Ксюши:

– Неплохой парень.

Женёк, заводя мотор, только подтвердил:

– Да, мне тоже понравился. Очень приятный. Прямо как ты, Рома.

– Ага, – буркнул я. – Наверное, вы правы.

– А что ты такой хмурый? – спросила Ксюша. – Выбранный ресторан не понравился? Или он?

– Всё понравилось.

Просто в голове крутилось другое: почему мне кажется, что всё это так просто не закончится?

– А вы вообще бездельники, – напомнил я им вслух.

– Это ещё почему мы бездельники? – возмутилась Ксюша, пока Женёк выезжал из парковочной полосы и встраивался в поток.

– Потому что у нас были планы, – сказал я. – Мы хотели к Алексею съездить и узнать, что с нашим мастером по покраске.

– Кстати, когда вы мне фотографии покажете? Может, наконец-то, ты меня ведёшь в курс дел? – спросила Ксюша.

«И правда, – подумал я. Совсем забыл показать ей фотографии. Она же моя помощница, пора её внедрять в документацию... Мою великую документацию. Целых пять коробок бумаги.»

– Ладно, – сказал я протягивая ей телефон с открытой галерей. – Только нам нужно будет съездить в один княжеский домик, чтобы ты подписала документы о неразглашении.

– Вообще без проблем, – ответила она, беря мой телефон и пролистывая фотографии. – О, подожди. Так я видела эти машины. К маме приезжали такие же...

Она поправилась:

– К ней в особняк приезжали ребята на похожих машинах.

– На похожих или на таких же? – уточнил я.

– Очень похоже. Вот, видишь – такая же маленькая царापинка.

Она протянула мне телефон, чуть наклонив кисть, и я сначала почему-то посмотрел не на экран, а на её ногти. Миндалевидная форма – аккуратная, вытянутая, с тонким, почти ювелирным силуэтом. На каждом – яркий, насыщенный рисунок: плавные переливы синего и фиолетового, тонкие серебристые штрихи по краю, будто подсветка. Маникюр был сделан настолько аккуратно, что первое мгновение я просто отметил про себя – *работа дорогая, качественная и явно это делал мастер своего дела.*

И только потом переключил взгляд туда, куда она указывала кончиком этого идеально подточенного ногтя. На приближённом фото в районе переднего крыла действительно виднелась царапина – крошечная, почти невесомая. Я раньше её и правда не замечал, потому что при моём осмотре она выглядела больше как блик света, чем как повреждение. И только сейчас, после того как мне показали её в лоб, я её разглядел.

– Я тогда её заметила. Забавно: вроде покрашена как но-

вая, а уже с царапиной. Обидно, наверное.

И снова я удивился, насколько невнимательно отношусь к автомобилям.

Человек, привыкший работать с людьми, смотрит иначе.

Механик вроде Женька заметит тюнинг.

Девушка вроде Ксюши – эстетическую царапину.

– Подожди, Ксюша. Ты хочешь сказать, что эта машина приезжала к вам домой?

– Если присмотреться, то да, – кивнула она. – Вероятнее всего именно она и была.

– А лицо человека ты видела?

– Да там в принципе все на одно лицо. Все лысые. Кто-то худее, кто-то потолще. Все выглядят как обычная уличная шпана. Но был один интересный парень. У него татуировка была.

– Какая татуировка?

– Я её полностью не видела, – сказала она, – но с груди вверх к шее шли два рога. Ну, или пики какие-то... но выглядело похоже на рога. Думаю, да, были рога. Вероятнее всего.

Вот тут у меня внутри всё щёлкнуло.

Я даже не заметил, как начал думать вслух:

– Интересно получается... Значит, банда налётчиков связана с княжной. Точнее, с ситуациями вокруг неё. И эта же банда как-то связана с Авдосьей – матерью беглой невесты, которая доила Максима. И за этим всем стоит какой-то шеф или босс.

Я на секунду замолчал, пытаюсь собрать всё в один рисунок.

– Странно... и в то же время логично, – продолжил я. – Если в городе появилась новая группировка, которая пытается подмять под себя весь криминал, то первыми они пойдут именно туда, где деньги, власть и рычаги влияния. А местные уголовники вряд ли бы тронули княжну. Они либо получают от неё что-то, либо просто живут в мире: их не трогают – и они никого не трогают. Всё уже поделено.

Я посмотрел вперёд, на поток машин.

– А это какие-то новые залётные и точно не местные. И учитывая, что всё начало активироваться примерно полгода назад... как раз тогда и у княжны появились проблемы. И полгода назад мать объявилась у Элизабет. Значит, кто-то полгода назад решил вылезти из тени и начать подминать под себя город.

Женёк хмыкнул, но ничего не сказал.

– Я вот не удивлюсь, – продолжил я, – если сегодня-завтра вспыхнет серьёзная бойня. Когда местных мелких банд начнут вырезать новые, которые решили проворачивать тут свои дела.

Тут в разговор вступил Женёк:

– А ты не удивляйся, Рома. Оно уже началось.

– В смысле? – спросил я.

– Ну... был у меня один знакомец, – начал он. – Приторговывал лёгкими веществами. Ничего серьёзного.

Я немного сузил взгляд.

– Ничего серьёзного?

– Да, конечно. Ты же знаешь, что я такое не употребляю.

– Вот и правильно, – кивнул я. – Мы за здоровый образ жизни.

Ксюша хихикнула:

– Ага. Сказал человек, который сейчас едет праздновать свой баронский статус и не удивлюсь, если тебе завтра будет плохо.

– Это другое. И не отвлекай, пожалуйста, – сказал я.

В зеркале заднего вида я увидел, как она надула губки и отвернулась к окну.

Хотя по глазам было видно: слушает каждое слово.

– Жень, продолжай.

– Так вот. Парня этого звали Кузнечик. Почему звали? Потому что больше его так никто не зовёт, – спокойно сказал Женёк. – Людей, которые лежат в земле под деревянной крышкой, обычно не зовут.

Он замолчал, но через секунду добавил:

– А Кузнечик... Погоняло это, понятно, откуда взялось. А вот как его звали на самом деле – я не знал. И, наверное, никто не знал. Скрытный был типок. Общался мало, никого к себе близко не подпускал. Пусть земля будет пухом и трава зеленой.

– Настолько всё серьёзно?

– Всех деталей я не знаю. Он промышлял недалеко от мо-

его гаража.

– Что, прям так в открытую?

– Ну как в открытую... В этих гаражах сам чёрт ногу сломит. Даже некоторые хозяева уже забыли уже, где они находятся и уже даже не найдут их.

– Почему?

– Гаражный кооператив огромный. Здоровенный. Там больше двух тысяч гаражей. Как думаешь, легко найти одного Кузнечика, который “в траве сидел”?

– Ладно, понял. Но его всё-таки нашли?

– Нашли. А потом и мы нашли. Не совсем живым.

Он пожал плечами.

– И многие, из тех кого мы раньше гоняли на своём районе потому что уже приторговывали тяжёлым, – тоже начали валить из Серпухова.

– Куда?

– В ближайшие города. Что там у них происходит, я не знаю. Но в Серпухове знаю точно: кто-то новый на улицах стоит и торгует.

– Ого, – я повернул к нему взгляд. – Столько деталей. Навевает на мысль, Жень.

– Да нет, нет, – махнул он рукой. – Просто один знакомый механик любит иногда побаловаться. Поэтому я плюс-минус в курсе этих дел. Если хочешь, могу с ним созвониться, узнать, как сейчас обстоят дела.

– Да, это было бы неплохо.

Тут Ксюша сзади вставила:

– Ну вот, и нажраться, и расслабиться...

– Да не поэтому! – обернулся я.

– Да понимаю я, понимаю, – протянула она. – Даже под-
колодь нельзя.

Вот что за девчонка.

– Ладно, – сказал я. – Поехали тогда домой. Ксюша пере-
оденется.

Женёк приподнял бровь:

– А где её дом?

– У меня в квартире её дом.

– О-о-о, у вас уже так всё серьёзно? – протянул Женя с
такой ехидной и довольной улыбкой, словно уже всё решил
и представил в голове.

Мы с Ксюшей одновременно рывкнули:

– ЖЕНЯ!

– Ладно, ладно. Еду и молчу.

Буквально через пять минут мы уже были возле моего до-
ма. Остаток пути прошёл в тишине – каждый переваривал
услышанное и делал какие-то свои выводы. По глазам Ксю-
ши было видно: она, пожалуй, больше всех рада, что мы сей-
час поедем в ресторан.

А вот то, что она живёт у меня, мы как-то забыли сооб-
щить Женьку. Поэтому выглядело всё слегка странно.

Остановившись, он спросил:

– Ну давайте... через сколько мне подъехать? Минут че-

рез двадцать пять—тридцать нормально будет?

– Нормально, – кивнул я. – Ты знаешь, где «Чёрный Лебедь»?

– Знаю. Должны успеть за эти десять—пятнадцать минут доехать. Или вам не хватит? Если что, скажите – могу подождать.

– **ЖЕНЯ!** – опять крикнули мы с Ксюшей одновременно.

– Ладно, ладно, молчу. Так нормально?

– Да, хорошо.

– Ну всё тогда. Жду вас через тридцать минут.

Мы вышли из машины. Я помог Ксюше выбраться с заднего сиденья, захлопнул дверь, взглянул на часы. Шесть вечера.

В принципе... может и правда стоит сегодня отпраздновать баронский статус.

И тут Ксюша, как обычно, умудрилась испортить момент:

– Ну что, поднимешься? Поподглядываешь за мной, как я переодеваться буду?

– Ксюша!

– Ладно-ладно, молчу. Я пошла.

Она, вильнув бёдрами, направилась к подъезду. Ключи от домофона и от квартиры у неё уже были – мои же остались у меня в офисе. И я только сейчас это понял.

– Ксюша, подожди! – крикнул я и поспешил за ней.

Глава 3

Ксюша повела себя ровно так, как я и ожидал, когда осознал, что забыл ключи в офисе. Она тут же рванула вперёд и явно собиралась закрыть передо мной дверь, но я успел подбежать вовремя. Тянуть она её, конечно, не стала, но добежать до подъезда, распахнуть дверь и ещё немного поиграться со мной – охотно.

Очень странное ощущение у меня было с этой девушкой.

С того момента, как она рассказала всё про свою прошлую жизнь – ту, что была до нашей встречи, – она невероятно быстро начала вливаться в отношения со мной. И эти пару дней после её откровений сблизили нас куда сильнее, чем я планировал. Мы стали друзьями – это точно. Хотя иногда казалось, что она и не против, чтобы было что-то большее.

Но, наверное, именно поэтому у меня до сих пор не было девушки в этом теле: местами мне всё ещё странно ощущать себя двадцатилетним парнем, когда по сути, если прикинуть... Ксюше столько же. А мне то в голове столько сколько я уже прожил. Тридцать семь лет прошлой жизни и десять лет этой. И выходит, что она мне не то что в дочери – внуки бы годились... хотя нет, утрирую. В дочери – вполне. Нет, я не ощущаю себя сорока семилетним мужиком, но опыт прожитых лет всё равно сказывается.

Но молодое тело и мужские гормоны иногда дают сбой –

против природы не попрёшь.

Все эти мысли крутились у меня в голове, пока мы поднимались в квартиру.

Ксюша бежала впереди и нарочно чуть замедлялась, будто создавая возможность мне «подсмотреть» под её юбку. Но я держался как мог, а кот время от времени подкидывал свои комментарии:

«Да подними ты голову...»

«Да хочешь же...»

«Да что ты стесняешься...»

«Девушка сама тебе намекает...»

Кстати, за эти пару дней он и вправду начал строить фразы подлиннее.

Мы вошли в квартиру. Я едва не споткнулся об один из чемоданов Ксюши и рявкнул по-доброму:

– Ксюш, ну я же просил – разбери вещи!

– Ты же сам говорил, что я, может быть, съеду на квартиру, – ответила она из комнаты.

– Ну всё равно неудобно, что чемодан стоит прямо в коридоре. Он же и так маленький.

– Кто – чемодан?

– Да нет, коридор.

– А я думала, чемодан маленький, – хихикнула она.

Ага маленький. В принципе, меня можно туда сложить и отвезти куда-нибудь на курорт... отдохнуть от хаоса, который здесь происходит.

Хаос – не то слово.

В моём и так небольшом коридоре неожиданно появилось около двадцати новых пар женской обуви: кроссовки, туфли, сапоги – зачем сапоги, если осень тёплая? Хотя девушки умудряются носить сапоги и летом. Может, это какие-то лёгкие «летние сапоги»... я не разбираюсь в женской моде.

Я разулся и увидел, как Ксюша, завернувшись в моё большое белое полотенце, идёт из комнаты в ванную. Бросила взгляд на меня и, не оставив ни единого шанса, заявила:

– Я первая в ванную.

– А можно я хотя бы в туалет схожу?

–Нет. После меня сходишь.

Последние слова она произнесла уже, закрывая дверь.

– Ну ладно, – только и сказал я.

Пойду посмотрю, что можно надеть в ресторан.

Хотя жизнь с девушкой имела и плюсы – все мои вещи были перестираны, выглажены и аккуратно сложены в шкаф. Откуда у неё такая забота – не знаю, но преимущества были очевидные.

Зайдя в комнату, я ужаснулся: как человек, который идеально выгладил мои рубашки и сложил всё по полочкам, может быть настолько неряшливым со своими собственными вещами? Они валялись повсюду.

Хотя я был почти уверен – это её коварный план. Захват территории.

Из шести полок моего шкафа мне теперь принадлежала

одна.

И ма-а-аленький кусочек перекладины для рубашек – куда она ухитрилась уместить все шесть моих рубашек, накопившихся за мою жизнь.

Кот прыгнул со спины, и собирался идти на кухню, но я успел его окликнуть, до того как он покинул поле боя. Поле боя одной девушки и порядка.

– Кстати, чёрный, – крикнул я ему, – ты со мной не поедешь!

Он повернул голову и посмотрел на меня. Иногда я и правда начал понимать кота даже без прикосновения – его эмоции читались настолько отчётливо по его выразительной морде, что было понятно даже без магии:

«Это ещё с *хренали*?»

– В смысле – с хренали, – ответил я на его же немой вопрос. – Мы едем в дорогой ресторан, туда с животными нельзя. Особенно с такими засранцами, которые даже имя своё принять не могут.

Он глянул ещё раз, фыркнул и медленно ушёл обратно на кухню.

Примерно с выражением: *да и не надо мне ваши рестораны, меня и тут кормят неплохо.*

Но поднасрать он всё равно умудрился.

Проходя мимо ванной, кот аккуратно дёрнул дверь, и она приоткрылась. Теперь я слышал шум воды... и видел довольно крупную щель, через которую при определённом уг-

лу можно было рассмотреть, что происходит внутри.

И вот как теперь поступить?

Закрыть дверь? Если увидит – подумает, что подглядывал.

Оставить как есть? Выйдет – и увидит, что я тут стою, – снова подумает, что подглядывал.

Может... просто не подглядывать? Пойти заняться своими делами... например, сделать кофе.

Хотя растворимый перед походом в ресторан – как-то не по-баронски.

И тут из ванной донёсся тихий, довольный стон.

Да, Ксюша *очень* любила принимать душ.

И ещё больше – проводить в ванной целые ритуалы. Каждый раз она получала такое удовольствие, что внутри у меня что-то непроизвольно вздрагивало... потому что звуки оттуда доносились такие...

Хотя я прекрасно понимал: она там с собой ничего не делает. Просто наслаждается водой. Она всегда обожала ухаживать за своим телом – и делала это с такой самоотдачей, будто в этом был смысл её вечера.

И тут произошло именно то, чего я боялся все эти дни, пока она жила со мной.

Из ванной раздался звонкий, совершенно невинный голос:

– Ром! Принеси, пожалуйста, ещё одно полотенце для головы!

Ну вот.

Вот и оно.

Самый страшный квест новоиспеченного барона.

Как себя вести?

Куда смотреть?

Как не начать говорить голосом восьмиклассника, впервые увидевшего живую девушку?

Ладно. Нужно взять полотенце. И отнести полотенце. К Ксюше. Просто полотенце – ванная – не смотреть – не думать – не умереть.

Так, полотенце у меня где?

В шкафу. Шкаф... полотенце... никаких дурных мыслей... никаких картинок... Вот шкаф.

Вот полотенце. Теперь мы идём куда? В ванную. И что делает Рома? Рома относит полотенце Ксюше. К Ксюше относится полотенце. Прекрасно. Гениальная логика.

Подойдя к двери, я сказал максимально официальным голосом:

– Я вхожу.

– Да-да, заходи! – откликнулась она.

Я зашёл – и остановился буквально на секунду.

Ксюша, конечно, стояла за шторкой... но шторка у меня была мутно-прозрачная.

И силуэт её тела был виден очень хорошо.

Она совсем недавно поменяла оверсайз на более утончённую, облегающую одежду, и форму фигуры я уже представ-

лял... но сейчас всё было иначе. Контрастный свет за спиной превращал её контур в чёткий, притягательный рельеф: плавные линии плеч, тонкая талия, изгибы бёдер – всё без прямой детализации, но так ясно, что сердце у меня ухнуло, как лифт в подвал.

Если раньше я был уверен, что у неё максимум аккуратная двоечка, то теперь вопросов не осталось: это была полноценная, стоячая, упругая тройка – именно такой третий размер, который одежда безжалостно прятала всё последнее время.

Бёдра – та же история. Упругие, чёткие, спортивные. Форма сама по себе идеальная: ни лишнего, ни недостающего – будто человек каждый день работает над телом.

И я, парень двадцати одного года с уже не сорока семи летним опытом жизни, прекрасно понимал: мужчина в такой ситуации сначала смотрит не туда, куда нужно. И, похоже, я задержался на секунду дольше, чем дозволено протоколом приличия.

Потому что шторка чуть отодвинулась, и оттуда высунулось хитрое, абсолютно довольное от полученного результата лицо.

– А ты чего застыл? – спросила она, приподняв бровь. – Ну... хочешь – присоединяйся. Я не против.

– Ой!.. Тьфу ты. Скажешь тоже... – выдал я набор звуков вместо человеческой речи.

Положил полотенце куда попало и вылетел из ванной так, будто там за мной гналось стадо мамонтов.

И, конечно, не закрыл дверь. Привычка холостяка. Срабатывает автоматически. Теперь же закрыть дверь будет странно – увидит и решит, что я подглядывал. Не закрывать – ещё страннее. Просто идеальная ловушка.

Из ванной донёсся её смех. Лёгкий, искренний, совершенно убийственный.

И через секунду – тихое, но очень отчётливое:

– Ну и дурак...

– Наверно, – буркнул я себе под нос.

Ладно, можно оторваться пока от мысли про открытую дверь. Хотя это будет сложно: она сидит в голове как заноза. Но мысль о Демиде отвлекла чуть-чуть. Его поведение, в принципе, логично – слишком многие аристократы ведут себя так же, особенно те, у кого есть боевая сила и магия.

Я и не собирался вступать с ним в конфликт, не то что вызывать на дуэль или требовать у него компенсацию за ущерб, который он нанёс мне своим холодом. Да какая компенсация? Я бы ничего не доказал. А если бы даже начал поднимать шум, он бы просто сказал, что аспект только открылся, что он его ещё не контролирует. Попросил бы прощения, сунул бы мне двадцать тысяч – и был бы формально прав.

А так получается, что мы оба прошли у друг друга условную проверку. Он – у меня, а я – у него. И для этого не нужно иметь три извилины в одном узле или быть супергением. То, что произошло в момент его применения магии, всё выдало. Во-первых, он показал силу – не скрываясь, не мимикри-

руя, сразу обозначил уровень. Во-вторых, он проверил, как я отреагирую: начну ли паниковать, требовать сатисфакции, устраивать концерт. В-третьих, ему было важно, как я поведу себя дальше в разговоре – приму ли его приглашение или откажусь. Такие манёвры сильные рода используют часто: так смотрят, кого можно приблизить, кого рассматривать на вассалитет, а кого лучше держать на расстоянии.

Читал я о таких проверках и слышал от ребят чьи семьи находятся в состоянии вассалитета, и которые вот-вот могут получить аристократический статус, а пока на всякий случай поступили в полицейскую академию. Подстраховка, так сказать: и обучение получишь, и место в жизни найдёшь. Органы – это всегда хлеб. Хотя я туда бы ни ногой. Знаю кухню изнутри – больше чем достаточно.

Единственное – статус – Барон.

И кольцо у него было соответствующее – перстень главы рода. Такие кольца легко отличить: чем ниже твоё место в семейной иерархии, тем проще орнамент. У меня, например, по бокам какие-то крылышки, похожие на совиные. Вероятнее всего, это связано с гербом нашего рода. Хотя герб я ни разу не видел, да и особого желания нет. Думаю, когда доберусь до дома, который мне достался от отца, там найдётся информация и про герб, и вообще про всё, что я до сих пор не знаю.

Из ванной донесся звук, который означал только одно: выключилась вода и начался второй этап – процедуры. И моя

личная пытка.

Я это уже знаю прекрасно. Иногда она делает их прямо в комнате: пока я лежу на полу на матрасе, она располагается на моей кровати и мажет себя всеми этими кремами и маслами.

Ну а где ещё должен лежать джентльмен?

Мама в прошлой жизни успела научить меня паре элементарных вещей – по крайней мере вести себя с дамами правильно.

Демид стоял у обочины и молча провожал взглядом чёрную двухдверную «восьмёрку», в которой только что уехал детектив – тот самый, на которого вывели его люди и информатор. Подтверждение пришло быстро: именно он сорвал операцию с Радомировыми. И именно поэтому сегодня, в этот день, Демид решил сделать то же самое, что и этот детектив, – получить статус барона.

Разница была только в том, что Крайонов становился бароном по праву крови. Впрочем, и сам Демид мог бы, если бы остался при настоящей фамилии. Но в этом случае он уже давно лежал бы в земле. Поэтому он купил свой титул. Да, такое в Империи возможно. Соколовский род теперь считался родом, под чьим покровительством официально числится Мариарцев. Формально – вассал графов. Фактически всё

было наоборот: граф ходил под Демидом и входил в ближний круг. Один из немногих аристократов, который действительно понимал, кто начинает потихоньку захватывать теневой рынок.

Подъехало такси – белый китайский седан, весь обклеенный имперскими жёлто-чёрными метками. У нас в Империи частных служб не осталось уже лет десять: весь автопарк, кто хочет возить людей за деньги, работает только через Имперскую транспортную службу. И именно поэтому китайские бренды сейчас встречались повсюду – после того как Империя наладила с Восточной Империей торговые отношения, путь между границами упростился, пошлины уменьшили, и торговый поток хлынул в обе стороны. Формально мы всё ещё были соперниками по военному блоку, но бизнесу на это всегда плевать.

Демид открыл дверь, сел. Китайцы умели делать одно хорошо – салон, который ощущался неожиданно уютным. Пахло прямо-таки новым салоном, тёплым пластиком, дешёвой но приятной химией. Он по привычке отметил: места достаточно, сиденье мягкое, спина упирается удобно. Он, конечно, сам ездил только на дорогих люксовых машинах – и правильно делал. Будущий король теневого рынка Империи не должен привыкать к дешёвому. Но даже он невольно отметил: этот салон собран удивительно приятно.

Водитель, мужчина лет сорока, мгновенно посмотрел в зеркало и поздоровался – в имперской службе так учили.

– Добрый вечер, господин.

Парень скривился, но в голосе это не проявилось.

– Адрес в приложении.

– Едем? – уточнил тот.

– Вези, – спокойно ответил Демид и остался в своих мыслях.

Машина мягко тронулась.

Он устроился поудобнее и снова ушёл в свои мысли. Всё не отпускало чувство: с этим парнем, с Крайоновым, что-то было не так. Вёл себя слишком... правильно. Слишком как он сам. А Демид слишком хорошо знал эту манеру – удерживать лицо так, такому обучены единицы. И не в этом возрасте.

Телефон завибрировал в кармане. Звук он не включал никогда – привычка, прочно въевшаяся ещё с тех времён, когда любой лишний сигнал мог стоить жизни. Он достал мобильный, посмотрел на экран – и у него чуть дёрнулась скула.

Этот человек звонил только по одной причине: возникла очередная проблема. И если он звонит – значит, проблема серьёзная.

Демид ответил без приветствия:

– Слушаю.

На том конце начали докладывать о новых проблемах: одного из бегунков, который разносил товар, взяла полиция, ведут в канцелярию, будут раскручивать схему и искать, кто наверху. Следующее слово решило судьбу одного человека

и одновременно спасло большой бизнес, который Демид годами выстраивал. Будущую империю. Империю тьмы и зла, как сказал бы какой-нибудь фантаст.

– Убрать, – сказал Демид и отключился.

Со своими шавками он разговаривать не любил. Не заслужили.

Через два квартала такси остановилось в тёмном переулке. Водитель нервно огляделся:

– Вам точно сюда, господин?

Демиду снова перекосило. Он ненавидел, когда его называют аристократом. За эти годы он возненавидел всех аристократов.

Учитель. Хотя какой он, к чёрту, учитель. Просто человек, который когда-то объяснил Демиду, как всё здесь устроено на самом деле. Показал их грязную сторону – так, что отвращение въелось под кожу.

Молодой парень протянул пятьсот рублей:

– Без сдачи.

– Но поездка стоила сто двадцать пять... господин, спасибо...

– Если ещё раз повезёшь меня, не называй меня господином. Понял?

– Да...

Таксист проглотил окончание фразы.

– Бывай.

Демид вышел. У тротуара уже ждала машина – современ-

ная, с мягким креслом, которое раскладывалось почти в кровать, с тонированными задними стёклами. Он сел.

– Босс, куда едем? – единственный вопрос, который позволял себе водитель.

– Домой. Переодеться.

Больше ничего говорить не требовалось. Все знали: лишние слова Демид не любит.

«Домом» здесь был склад при заводе. То место, куда он всегда заезжал через чёрный вход, чтобы дорогие машины лишний раз не светились у ворот. Машина нырнула внутрь, пробралась во двор. Демид вышел, поднялся на свой этаж – кабинет, спальня, кухня, всё в одном.

Он сел за стол, машинально подумал: «Переодеться...» – и поймал себя на том, что тянется не к шкафу, а к ящику. Сначала запись.

Привычка вести дневник тянулась ещё из прошлой жизни. Он достал блокнот, раскрыл на чистой странице и медленно, аккуратным почерком написал:

«С момента попадания в этот мир прошло десять лет, три месяца и два дня.

Теперь я – Демид Давидович Мариарцев. Официальный барон. Аристократ.

Шаг номер десять – выполнен».

Он поставил точку, закрыл дневник, вернул его в ящик. И легкая улыбка тронуло его лицо.

Теперь можно и рубашку сменить. Но в голове. «Кто же

ты Роман?»

– Ром, ну чего ты такой скучный? Чего, голую девушку не видел? Чего ты отвернулся? – она даже не пыталась скрывать улыбку. – Я же не полностью голая. Уже в нижнем белье. Считай, как на пляже.

– Ксюш... не провоцируй, а? Будь человеком. Видишь же – мне плохо.

– Ой, плохо ему... ладно уж, – протянула она, будто поддразнивая.

Ксюша стояла у шкафа, и каждый её жест был рассчитан. Она норовила встать так, чтобы в отражении в стекле было видно её фигуру целиком – силуэт, талию, бёдра, её новые «утончённые» наряды. Она делала это специально. Она знала, что делает. И делала это каждый вечер.

Не знаю, в какой момент она просекла мои слабые места. Не знаю, когда именно поняла, что с женщинами у меня есть... нюанс. Не проблема – нюанс. Но она поняла.

Да и какая у меня проблема? Никакой, по большому счёту. Просто в прошлой жизни постоянной женщины у меня не было.

Жизнь такая была – где семья превращается в слабое место, а слабое место превращает тебя в мишень. Половые связи? Да, были. Как у всех. То тряпкой помоешь, то шваброй... ну а если серьёзно – обычные одноразовые знакомства в ба-

рах, клубах. Один раз даже пришлось лечиться после «интересного вечера». Весёлое было время.

Но постоянства не было.

Я сам себе объяснял: «работа секретная, грифы, ответственность, не хочу подвергать близких». Кого я обманываю? Работал-то в основном в кабинете. А если и ездил в командировки – то чаще по политической линии, переговорам, шпионажу. Да, мог быть боевым оперативником. Но использовали меня иначе – там, где мой талант раскрывался лучше, где нужно было считывать людей, настроение, ложь. Не всем давалось это как мне.

В мире без магии это давало огромное преимущество. Но именно это и делало отношения невозможными. Ты начинаешь сближаться с женщиной... и видишь, как за минуту её эмоции меняются от весёлой яркой улыбки до состояния «сейчас возьму нож и перережу».

И это видно. Ты это чувствуешь.

И тебе становится страшно.

Ну и тот случай, когда мне одна дама разбила сердце в самом начале взрослой жизни... он меня тоже научил. После той истории я и в этом мире держусь от женщин на дистанции. Привычка.

Внутренний голос хмыкнул:

«Крутой оперативник, может надрать любому зад, распознать ложь, увидеть эмоцию даже в предмете, переговорить с котом... Девственник.»

А Ксюша тем временем снова выгнулась так, что если бы я был персонажем японского аниме, у меня бы из носа кровь фонтаном пошла.

Следующее, что я увидел в отражении окна – она достала какую-то тряпочку.

«Шапка? На улице не так уж холодно...»

Нет. Она не на голову. Она начала в неё... влезать.

И влезла. Полностью.

– Всё, Рома, поворачивайся. Я оделась. Готова.

Я повернулся.

И перед моим взглядом предстал...

Глава 4

...И перед моим взглядом предстала она.

Ксюша стояла вполоборота, будто специально подгадав момент – или я уже начинаю видеть в каждом её движении скрытый умысел. Платье... чёрт, да в жизни бы не подумал, что одно единственное платье может так менять восприятие человека. Благородный цвет спелой вишни, отдавал контрастом на её белой коже и чёрные волосы дополнительно придавали эффектности.

Лёгкая тонкая ткань, будто сотканная для аристократок – мягкая, струящаяся, не дешёвый блеск, а аккуратный матовый перелив. Оно обтягивало её фигуру ровно настолько, чтобы подчёркивать линии тела, но не скатываться в вульгарность. Платье держало статику – как будто кто-то очень умный специально выбирал фасон под её манеру двигаться.

Талию поджимало едва заметное приталивание, и от этого силуэт казался ещё изящнее. Бёдра – мягкая линия, без вычурности. Ткань ложилась по ним так чисто, будто боялась испортить форму.

Длина – хитрое решение. Чуть выше колен. Именно «чуть»: не вызывающе, но достаточно, чтобы взгляд сам по себе скользнул вниз.

А там...

Ксюша в этот момент натягивала один из чёрных нейло-

новых чулок. Медленно, не потому что хотела соблазнить кого-то – просто аккуратно, чтобы не порвать. Но это движение... оно подчёркивало линию ноги так, что у меня в голове пролетела очень простая мысль взрослого мужика:

«Да, Кранова... ты знала, что делаешь».

Ноги – отдельный вид искусства. Они были стройными и длинными, аристократическая кровь давала о себе знать. И чулок плотно лег на кожу, подчёркивая всё это.

Нижнее бельё подобрано так, что его не видно даже при желании разглядеть. Скорее всего бесшовное. Цвет – в тон платью, тонкие линии без выступов. Настоящая аристократия: скромнее, чем можно подумать, и роскошнее, чем кажется на первый взгляд.

Она проводит ладонью по краю второго чулка, поправляет его – короткое движение, как раз рассчитанное на зрителя, то есть меня. И я стоял как раз в тот момент, когда это движение превращается в целую картину.

Волосы – слегка влажные, собранные наполовину в высокий хвост, и пара прядей упала вперёд, подчёркивая линию шеи. Шея... длинная, тонкая, по-женски правильная. Та самая линия, за которую художники готовы душу продать.

И взгляд.

Наглый. Весёлый. Немного вызывающий.

– Ну? – она чуть приподняла подбородок, будто проверяя мою реакцию. – Повернулся все таки?

И довольная, как кошка, которая только что наелась сме-

таны, подмигнула и добавила:

– Прикрой рот Крайонов, а то муха залетит.

И она так весело засмеялась, что я понял только одно.

Меня она собиралась сегодня свести с ума. И делала это профессионально.

Она двинулась в мою сторону с улыбкой, которая обещала мне ровно одно – сейчас будет что-то, что мне точно не понравится, но придётся терпеть. Так всегда и бывает, когда женщина заранее уверена в результате.

Но, как оказалось, всё было проще. Она всего лишь поправила узкий галстук, который сама же на мне и завязала минуту назад. Галстук, надо сказать, сидел так же уверенно, как кот на моём одеяле – намертво, и всем видом показывал, что с нами он не пойдёт, даже не стоит уговаривать.

Я посмотрел вниз на себя и только сейчас понял, во что меня одели.

– Ну что? – Ксюша оценила меня взглядом с ног до головы. – Выглядит прилично. Даже чересчур.

Прилично... если учитывать, что большая часть моего гардероба – это пара джинсов, три футболки и рубашки, которые я покупал по акции «три за пять тысяч». Всё-таки в офисе нужно было встречать клиентов в приличном виде.

Но этот комплект она собрала хитро, из тех самых шести рубашек, что висели у меня в шкафу. Белую – она отбраковала сразу: «слишком скучно». Чёрную тоже: «слишком похоронно». В итоге выбор пал на графитово-серую, плотную,

с хорошей посадкой на плечах. Та, которую я купил когда-то «на всякий случай» и ни разу не надел.

К ней она подобрала черные брюки. Они сидели удивительно хорошо, будто я их выбирал не на распродаже. Всё-таки хорошо, что купил их тогда.

Образ дополняли черные кожаные туфли – те самые, которые я берег «для особых случаев» и в итоге так и не понял, для каких. Но у каждого уважающего себя мужчины должна быть минимум одна пара туфель.

Ну и финальный штрих – галстук. Откуда он, я вообще не знаю, может, комплектом шел с чем-то. Узкий, глубокого винного цвета, контрастный, но не кричащий.

– Теперь похож на человека, – сказала она и, щурясь, поправила узел. – Даже, может быть, на аристократа. Чуть-чуть.

– Спасибо, конечно, – пробормотал я, – но можно хотя бы один вечер без издевательств?

– Нельзя, – Ксюша улыбнулась так, что стало понятно: выбора у меня всё равно нет.

И, надо признать, в отражении я выглядел... прилично. Чисто. Собранно. Почти как тот барон, которым меня считает Империя с сегодняшнего дня.

Почти.

Женёк минут десять назад, написал что будет через пять минут. Так что он уже должен был нас ждать внизу. Написал «буду через пять минут» – что в его языке значит «я уже под

подъездом». Он всегда приезжает раньше. Всегда.

– Ну что, пошли? – сказал я. – Нехорошо опаздывать.

Перед самым выходом из квартиры, пока Ксюша не видела, я всё-таки снял галстук. Неудобно мне с ними. Наносился в прошлой жизни.

Мы вышли из квартиры, спустились вниз. И – о чудо – сегодня праздник был и на нашей стороне. У подъезда сидели две бабульки. Те самые, что обычно провожают всех жильцов диагнозами. Но в этот раз, увидев нас, они не называли меня наркоманом, а Ксюшу – проституткой. Наоборот, у обеих на лицах мелькнуло удовлетворение, почти гордость.

Первое: подбородки чуть приподняты, уголки губ едва поднялись – не улыбка, но состояние «одобряем».

Второе: глаза сузились, но не осуждающе, а оценивающе – классический маркер «рассматривают как людей, а не как хлам из их собственного подъезда».

Третье: позы. Оба корпуса развернуты к нам, не от нас – значит, они не отвергают, а наблюдают.

Что по сути можно собрать в: «Ну хоть кто-то у нас тут по-людски живёт».

Я даже понял, что именно им понравилось: Ксюша – аккуратная, собранная, без агрессии в походке; я – наконец-то не в джинсах и футболке. Как ни странно, бабушкины стандарты приличия я сегодня прошёл.

Честно? Мы и правда выглядели прилично. Но стоило мне увидеть, как выглядит Женька – я понял, что мы с Ксюшей

даже близко не дотягиваем до его уровня.

Женька стоял, прислонившись к машине, как будто сошёл с рекламного стенда мужской классики.

Чёрная рубашка без единой морщины, узкие брюки, дорогая кожаная куртка. Волосы уложены идеально – даже ветер, похоже, уважает его личное пространство.

Выглядел он так, будто это не он у меня на службе, а я у него.

Он посмотрел на меня, на Ксюшу, и – как обычно – не удержался подколоть:

– Ну ничего себе... Вы сегодня прям приличные люди. А то за последние дни я привык вас видеть так: ты – как студент-первокурсник, а она – как бунтующая старшекурсница.

– Сам ты первокурсник, – буркнул я, хотя внутри ментально признал поражение: по сравнению с ним мы с Ксюшей выглядим как бюджетная реконструкция приличных людей. Ксюша может быть нет, но я – точно. – Ну а ты, как я вижу, у нас знаком с последними писками той самой дикой и непонятной мне моды. Не знаешь кстати, когда и в правду будет последний? Когда она уже пискнет и сдохнет?

Ксюша остановила нашу перепалку:

– Может, мы всё-таки поедem ужинать? А то я уже кушать хочу... да и опаздывать неприлично. Нам осталось всего пять минут до назначенного времени.

Женёк посмотрел на наручные часы – механические, вроде недорогие, но идеально дополняли его образ.

– Вообще-то не я виноват в том, что мы опаздываем, – сказал он. – Это вы долго собирались. Немножко, думаю, опоздаем. Минуты на две-три.

Мы уселись в машину. Для Ксюши это было ещё то испытание: в таком платье все движения, связанные не с ходьбой, а именно присесть, согнуться, заставлял эту ткань подниматься выше, чем ей хотелось бы. Вот тут, конечно, не продумали те, кто создавал это платье. Нужно было сделать какие-то скрытые, может быть, силиконовые подкладки, чтобы держали низ по ногам. Но нет – оно норовило подниматься и являть миру её нижнее бельё, которое, по ощущениям, вообще отсутствовало под этим платьем.

Мы сели, и Женёк сразу газанул. Когда я сиделся на переднее сиденье, то сам понимал, насколько комично мы выглядим: три разодетые личности едут на хоть и ухоженной, но всё-таки «восьмёрке».

Всю дорогу Ксюша с Женьком шутили и перекидывались подколами, а я думал о другом. Пытался разобрать в голове, как в этом мире вообще возможно встретить человека с такой способностью скрывать и управлять эмоциями. На таком уровне. Без внешних маркеров, без выдачи ни малейших микродвижений.

Даже мне иногда бывает сложно. За те годы, что я нахожусь здесь, уйдя из той профессии, где нужно было постоянно держать лицо, я стал вести себя ближе к возрасту тела, чем к своему ментальному возрасту. И поэтому время

от времени у меня проскальзывали вещи, которые я раньше никогда бы не позволил. Любой опытный профайлер мог бы считать меня сейчас куда легче, чем когда-либо.

Но Демид... Демид меня продолжал удивлять, вспоминая, как он себя вёл. Он контролировал себя так, как я, но только в последние несколько лет своей прошлой жизни. И это навевало очень странные мысли. Одна из них невольно всплыла сама: может, я здесь не единственный, кто перенёс в этот мир навыки из прошлого? В структурах, откуда я пришёл, хватало подразделений – шпионаж, диверсии, проникновение, стратегические отделы. Были и такие, что формально не относились ни к ФСБ, ни к ГРУ, ни к чему-либо открыто существующему.

Мы между собой называли их «отделами ноль-ноль-семь» – в шутку, вспоминая одного известного любителя мартини с водкой, который предпочитал его «взболтать, но не смешивать».

Добравшись до «Чёрного Лебедя», я понял: комичность ситуации с нашей машиной и нашими нарядами теперь была ещё выше. «Чёрный Лебедь» отличался тем, что по вечерам там работал швейцар: встречал гостей, открывал двери, отгонял машины на парковку.

Подъехав к входу, мы едва успели затормозить, как швейцар подошёл и распахнул дверцу.

Выходя из машины, я опустил сиденье и отодвинул его, протягивая руку своей помощнице. Женёк передал швейца-

ру ключи и буркнул:

– Ты уж поосторожнее с моей ласточкой.

Швейцар с каменным лицом лишь коротко кивнул:

– Не беспокойтесь, господин. Всё будет в лучшем виде.

Мы вышли, и нас сразу встретил фейс-контроль.

– Добрый вечер. У вас стол... – он замолчал, коснувшись пальцем уха, затем выпрямился ещё прямее. – Прошу прощения, вас уже ожидают.

Вот это сервис. Только потом, проходя мимо него, я заметил крошечный микронаушник – беспроводной, аккуратно утопленный в ухе. Удобная штука.

Подойдя к дверям, я ещё раз скользнул взглядом по фасаду. Ресторан находился в старом здании, но входную группу сделали шикарно: дорогой камень, тёплый свет, приглушённая роскошь. Всё по классике – чтобы с порога было ясно: «смертным вход воспрещён», здесь кушают только небожители. Хотя, по правде, не столь уж дорого – проблема в другом: забронировать столик практически невозможно. Ходили слухи, что отдельным гостям дают по два часа – ровно столько, сколько шеф считает допустимым «для уважения кухни».

У дверей стоял ещё один швейцар. Он открыл нам дверь, и внутри нас уже встречал парень в белой рубашке, чёрном фартуке и тёмных брюках.

– Добрый вечер. Вас ожидают. Разрешите провести.

Он учтиво поклонился, показал направление, и пошёл

первым. Мы шли за ним. Никто не говорил – каждый был занят своими мыслями. Боковым зрением я поймал, как Женьк чуть округлил глаза. В таком месте он скорее всего вообще в первый раз. Не по статусу механику со двора кушать в элитном ресторане. Да и я в этом мире – тоже.

Но в прошлом мире у меня были деньги и я посещал такие заведения, хотя до конца так и не понял всю эту гурманскую движуху.

Мы прошли один зал – я уже подумал, что пришли, но нас повели дальше, в сторону VIP-лож. Там и ждал нас Демид.

Парень вероятнее всего купил себе статус барона, ведь VIP зона заведения такого уровня доступна была минимум графам, а в основном герцогам и князьям. И это зависело не от толщины кошелька, а от уровня уважения и связей.

«Ой не прост этот парень, не прост.»

На столе уже стояли холодные закуски, бутылка белого вина в охладителе, графин водки, и несколько кувшинов, в которых были налиты морсы и несколько фрешей. Всё выглядело так, будто хозяин пришёл заранее и подготовил площадку под встречу.

Он встал, приветствуя нас, пожал руки всем по очереди – и на этот раз не использовал магию.

– Ещё раз приветствую, дорогие друзья. Я тут сделал небольшой заказ. Пока не уверен, кто что предпочитает, но для старта – самое то. Сейчас даме должны принести лёгкие коктейли... И, кстати, о дамах.

Он повернулся, достал огромный – действительно огромный – букет: сто с лишним роз, длинных, ровных, почти метровых. Тяжёлый букет, дорогой. Демид протянул его Ксюше.

– Ксения, я так понял, у вас нет молодого человека. Я бы хотел немного поухаживать за вами. Это – самое малое, что могу подарить сейчас. Больше на первом свидании вы могли бы счесть... слишком быстрым развитием событий.

Ксюша только и успела, что хлопнуть глазами. Любая девушка, увидев такой букет, особенно из длинных роз, зависает на секунду.

А меня... меня кольнуло. Очень неприятно кольнуло.

Ревность, от которой пытаешься отмахнуться, но она лезет через каждую щель.

Демид, словно прочитав мой профиль лица, мягко, даже почти извиняющимся тоном сказал:

– Надеюсь, я не перешёл границы? Возможно, я неправ, и мешаю... чему-то вашему.

Ксюша тоже посмотрела на меня.

И я понял: начинается очень опасная ситуация.

Та, где любое моё слово станет либо признанием, либо отказом, либо вызовом.

А что я могу ответить, если сам не знаю, что именно чувствую – и что имею право сказать?

Глава 5

Такие моменты меня всегда безумно бесят.

Не потому, что нужно продемонстрировать какое-то отношение к ситуации или человеку – с этим как раз проблем нет. А потому что тебя ставят перед выбором. Сейчас. Прямо сейчас.

Перед тем самым, который в любом случае придётся сделать. Можно тянуть секунду, две, три, можно сделать вид, что вопрос не понятен, можно даже съехать в шутку, но где-то в глубине мозга уже щёлкает: «Точка поставлена, дальше будут последствия».

И вот я стою в Vip зале, где новый барон с осторожной улыбкой протягивает моей помощнице букет из сотни с лишним роз. Ксюша смотрит на меня поверх этих цветов, а внутри у меня включается один и тот же ненавистный механизм: прокрутка назад. Назад, туда, где всё это началось. Туда, где я сам добровольно залез в эту ловушку и начал позволять ей слишком много.

В тот день, когда всё вскрылось, в офисе стояла вязкая тишина.

Ксюша сидела за столом, как будто её ударили мешком

по голове. Никаких истерик, никаких слёз напоказ, никакого беганья по комнате с криками «этого не может быть». Просто пустой взгляд и полная прострация. Маски сорвали. Розовые очки, в которых она прожила пятнадцать лет, раздавили об асфальт.

Пятнадцать лет её мать играла в аристократку. Пятнадцать лет вела дом так, словно статус они не потеряли, а просто отложили до лучших времён. Пятнадцать лет воспитывала дочку как «настоящую аристократку», хотя по факту после предательства Ксюшиного отца их род лишили этого статуса законно и окончательно.

Все эти годы девушка жила в уверенности, что мать продаёт себя ради них, ради того, чтобы они могли хотя бы отдалённо соответствовать тому уровню жизни, к которому однажды принадлежали. «Тяжёлый выбор матери ради ребёнка», «жертва», «так сложилось» – стандартный набор оправданий, которые ребёнок сам себе придумывает, чтобы не видеть очевидное.

А по факту мать продавала себя не ради выживания, а ради того, чтобы и дальше играть роль аристократки. Ради платьев, поддержания «уровня», привычек, тусовок, иллюзии собственной исключительности. Ради себя. Дочка была украшение, удобным элементом декора.

Потом появился он. Босс.

Человек, который рассказал, что младшая сестра, Элизабет – жива.

И ровно в этот период мать «внезапно заболела». Так удобно заболела, что как раз понадобились деньги.

Как раз появился человек, который готов платить.

Как раз есть способ всё объяснить, не снимая короны с головы: болезнь, судьба, чудесное совпадение.

Ксюша тогда видела в этом божественное вмешательство и шанс спасти мать. Сейчас она прекрасно понимает, что это было частью схемы.

Она честно верила, что последние месяцы работает «ради семьи», ради того, чтобы вылечить мать, поставить дом на ноги, вернуть всё «как было». А по факту её использовали как инструмент: отвлекать внимание, подставляться, улыбаться нужным людям, участвовать в схеме кражи денег у жениха младшей сестры. Как член банды, как соучастник мошенничества.

Когда подтвердилось, что никакой болезни нет, все эти совпадения перестали быть чудом и сложились в очень понятную картинку.

Каждое событие последних лет перевернулось другой стороной. Те же самые фразы, жесты, поездки, разговоры – всё то же, только теперь без фильтра «мама делает это ради меня». И вот уже вместо жертвы – хищник. Вместо заботы – эксплуатация. Вместо «доченька, потерпи, это всё ради твоего будущего» – «ты удобный ресурс, и ты будешь работать, пока полезна».

Я не объяснял ей это по пунктам – в этом не было необ-

ходимости. Она всё поняла сама. И именно поэтому сидела в офисе не двигаясь. Просто потому что весь её мир в голове рассыпался к чёрту, и она с этим столкнулась лицом к лицу впервые.

Я её в тот вечер не трогал.

Не лез с утешениями, не пытался говорить банальные фразы из дешёвых мотивационных книжек. Просто периодически приносил кофе и что-то поесть.

Она механически жевала, пила, смотрела в одну точку. Время подползло к восьми вечера, на улице начало темнеть, а она всё так же сидела в одной позе.

В какой-то момент я просто спросил:

– Тебе есть куда идти?

Она подняла глаза. Взгляд был не стеклянный, нет. Он был слишком живой для стекла. Там читались и обида, и злость, и растерянность. Но поверх всего этого – пустота, когда человек впервые понимает, что его мир строился на песке.

– Нет, – тихо сказала она. – Могу я остаться в офисе?

Как мужчина я мог бы сказать: «ну да, конечно, ложись на диван, переживёшь». Как человек, которому по факту уже сорок семь, я не мог оставить девочку ночевать в холодном офисе. В моём понимании это был ребёнок в беде. По паспорту двадцать один, физически – взрослая девушка, но по состоянию сейчас – именно ребёнок, у которого только что выбили землю из-под ног.

– Поехали ко мне, – сказал я тогда. – В офисе ночевать не будешь.

Дома меня догнала очевидность, которой я, честно говоря, не сразу уделил внимание.

Спать с ней на одной кровати я не мог и не хотел. Не потому, что она была некрасивой, как раз наоборот. А потому что это был бы самый дешевый и подлый способ воспользоваться ситуацией: девушка в шоке, вся жизнь рушится, а ты тут такой «добрый рыцарь», который утешит её в постели.

Не моя это история.

Поэтому я пошёл в ближайший гипермаркет, купил надувной матрас, вернулся, накачал его прямо в комнате и постелил у кровати. Она, конечно, попыталась возразить:

– Рома, давай я на матрасе, а ты на кровати... неудобно как-то.

– Никаких вариантов, – отрезал я. – Ты на кровати. Я на полу. Даже не обсуждается.

Папа в прошлой жизни учил меня бить мужиков, если они ведут себя как мрази. Мама учила никогда не относиться к женщинам как к вещи. Кажется, оба были в чём-то правы.

Утром, когда я вышел на кухню, Ксюша уже сидела за столом. По-взрослому поздоровалась, поблагодарила за ночлег, за то, что не трогал её весь вечер.

Вроде бы всё «нормально». Но это было «нормально» только из её уст, тело же её говорило об обратном.

Плечи опущены чуть ниже, чем должно быть при обычной усталости. Пальцы крепко сжимаются на кружке. Взгляд будто и осмысленный, но фиксируется либо на одной точке, либо на мелочах, не имеющих значения. Дыхание ровное, но время от времени даёт чуть более глубокий вдох – так обычно тело пытается сбросить внутреннее напряжение, которое не выпускают наружу словами или слезами.

Она разговаривала. Да.

Но по всем признакам всё внутри у неё продолжало рушиться. И если в этот момент оставить её в покое, дать ей дальше падать внутрь себя, оставить одну – можно получить затяжную депрессию, которая аукнется не только ей, но и всем, кто окажется рядом. Включая меня.

Вот тогда я и решил: нужно начинать её вытаскивать. По-тихоньку. Без психологических лекций. Без «давай поговорим по душам». Не теми инструментами. Для таких вещей куда лучше работают шутки, лёгкий троллинг и простое человеческое участие.

Я стал вести себя с ней проще. Не как с только что нанятой помощницей или пострадавшей стороной дела, а как с человеком, который теперь в моей зоне ответственности. Где-то подколот, где-то ответил на её колкость, где-то специально перевёл разговор на какую-нибудь ерунду, лишь бы только вытянуть её мысли из этой чёрной воронки.

И это сработало.

Не сразу. Не волшебной палочкой.

Но постепенно, день за днём я видел, как в её реакциях появляются нормальные эмоции. Сначала осторожная улыбка, потом лёгкое фырканье, потом уже и полноценные шутки в мою сторону. Её флирт, который сейчас так красиво оформился в ванную, в платье, в чулки, начинался тогда – с мелочей. С комментариев про мой возраст, манеру одеваться, привычки. С попыток поймать меня на неловкости.

Я прекрасно понимал, откуда это всё росло.

У неё в жизни был один центр – мать. Любовь к матери занимала всё пространство. Теперь эта любовь в одночасье осталась без адресата.

А пустота внутри долго пустой не бывает. Она чем-то заполняется. И самым очевидным оказалось то, что стояло ближе всех: я.

Она видит перед собой парня двадцати одного года – условного ровесника.

Но этот «ровесник» думает, говорит и действует, как мужчина заметно старше. Мужчины постарше всегда притягивают девушек, особенно тех, кто рос в деформированной семье без нормальной мужской фигуры. А здесь ещё и бонус – я вытащил её из схемы, защитил от прямого удара, взял домой, купил для себя матрас, не тронул.

Для неё это набор признаков «надёжного взрослого».

Для меня же она очень странная смесь.

С одной стороны – молодая, привлекательная, умная женщина, с которой в теории можно было бы построить нормальные отношения. С другой – девочка, которой психологически сейчас лет семнадцать максимум, а по уровню доверия ко мне – вообще лет двенадцать.

И ты одновременно можно увидеть в ней того, с кем можно было бы разделить ночь, и того, кого нельзя предать ни при каких условиях.

Не самый простой коктейль.

Отдельная история – особняк.

Через день-два после той ночи встал простой бытовой вопрос: ей нужно во что-то переодеваться.

Её вещи остались у матери. Денег на новый гардероб у неё нет. Свои я тратить на это не планировал – не потому, что жадный, а потому что это очень тонкая граница между помощью и превращением в кошелёк. Плюс у меня был ещё один ресурс – Максим и его «одна просьба», которую я не собирался сливать на мелочи.

Особняк матери сейчас находился под наблюдением людей Драгомировых. Им нужно было поймать саму хозяйку.

Я мог позвонить, сказать: «Ребята, пустите нас внутрь, заберём вещи, и разойдёмся миром».

Они бы, скорее всего, пошли навстречу. Но тогда я бы

использовал ту самую возможность, которая может понадобиться в куда более серьёзный момент. А я не привык тратить такие вещи на то, что можно решить иначе.

И вот тут пригодилось то, что Ксюша – не просто девушка с красивыми глазами, а маг иллюзий. Да, ещё сырая, да, без боевого опыта. Но уже умеющая менять внешность и по-вадки так, чтобы с расстояния трёх шагов её не отличить от оригинала.

Мы подъехали к особняку на машине Женька и остановились неподалёку.

Я показал ей наблюдателей, объяснил, где скорее всего расположены посты, как они должны меняться, что делают, когда им скучно. Она слушала внимательно, без привычной болтовни. В такие моменты особенно ясно видно, что у неё с головой всё более чем в порядке.

– Задача простая, – сказал я. – Ты копируешь одного из охранников, заходишь через служебный вход, поднимаешься к себе в комнату, забираешь только своё. Ни украшений матери, ни документов, ни денег, ни ничего лишнего. Нам нужно просто, чтобы у тебя были твои вещи. Никакой художественной самодеятельности.

Она кивнула.

На секунду прикрыла глаза, вдохнула, и я прямо чувствовал, как она собирает на себе иллюзию.

Через пару мгновений передо мной стоял парень из охраны, которого мы только что видели на перекуре: походка,

ширина шага, угол поворота головы, манера держать плечи – всё совпадало.

– Ну, – сказал я, – вперёд, боец. Только помни: ты не в кино. Любая глупость – и мы оба будем потом очень долго объясняться.

Она усмехнулась – уже в чужом лице – и пошла.

Я остался в машине, делая вид, что просто жду кого-то. В таких ситуациях самое сложное – дать другому человеку сделать шаг самому, не побежав решать всё за него. Особенно, когда этот человек – не твой оперативник, а девушка, у которой пару дней назад рухнула вся прошлая жизнь.

Минут через тридцать она вернулась, уже в своём теле, с двумя чемоданами и сумкой.

Вид у неё был... странный. Снаружи – уверенность. Даже, можно сказать, лёгкая гордость собой: миссия выполнена, я справилась. Перекинулась какой-то шуточкой, мол, «ну вот, ещё чуть-чуть и могла бы в театр поступать».

А когда я взял один из чемоданов, чтобы загрузить его в багажник, сработал мой дар.

Пальцы коснулись ручки – и меня накрыло.

Боль. Не острая, не крикливая, а та самая, тихая, которая въедается под кожу. Пустота, как после сильного пожара, когда от дома остался только каркас. Разочарование в себе и во всём, что было вокруг. И ещё что-то похожее на отвращение: к этим стенам, к этим вещам, к тому, кем её заставляли быть в этом доме.

Картина сложилась моментально: она шла по комнатам не просто «забирать свои вещи». Она прощалась с прошлой жизнью. Видела те же самые стены, где когда-то пыталась играть роль идеальной дочки аристократки. Тот же шкаф, ту же кровать, тот же стол. Но уже с осознанием, что всё это было декорацией к спектаклю, где ей отвели роль удобной куклы.

Внешне – она шутила. Внутри – всё продолжало рушиться.

Я поставил чемодан в багажник, второй – рядом, захлопнул крышку и в этот момент окончательно понял: если сейчас начать её тормозить, ограничивать, читать нотации, запрещать флирт, выставлять рамки, я просто добью то доверие, которое только начинает появляться.

Она тянется ко мне не только как к начальнику. Не только как к человеку, который вытащил её из этой грязи. Она тянется как девушка, которая перекинула свою любовь с той, кто её предал, на того, кто её не бросил. И делает это так, как умеют её сверстницы: подколами, демонстрацией тела, провокациями, попытками вызвать во мне эмоции – любые, главное, чтобы они были связаны с ней.

Я слышу, как по ночам она тихо плачет в подушку, думая, что я сплю и ничего не замечаю.

Днём она выбирает футболку пообтягивающе, юбку покороче, двигается чуть более подчеркнуто. Она переоделась из своего вечного оверсайза не потому, что внезапно увлеклась модой, а потому что поняла простую вещь: если ты хочешь

быть в голове другого человека, нужно оставлять там яркие следы.

Я вижу это всё как профайлер. Как человек, который полжизни занимался тем, чтобы считывать людей по микро деталям. И при этом ничего не делаю, чтобы это остановить. Потому что понимаю: сейчас это не про секс. Не про флирт в классическом понимании. Это про выживание её психики.

Да, она влюбилась.

По-девчачьи, по-своему криво и косо, но влюбилась. В парня двадцати одного года, который действует как мужчина тридцати семи. В того, кто видит её насквозь и одновременно не пользуется этим против неё.

И каждое её «Ром, ты чего такой скучный?», каждое «ну что ты, голую девушку не видел?» – это не просто фраза. Это тест на то, кем я окажусь в её жизни.

И вот теперь, под мягким светом ламп, в дорогом ресторане, я понимаю, почему меня так бесит текущий момент.

Демид протягивает ей огромный букет, говорит правильные слова, ведёт себя так, как должен вести себя мужчина, который хочет ухаживать за девушкой. Ксюша держит в руках эти розы и, несмотря на шок, уже успевает где-то внутри всё анализировать. И обоим им в какой-то момент становится важно – что скажу я.

Демид почти извиняющимся тоном спрашивает, не перешёл ли он границы, не мешает ли «чему-то нашему». Ксюша переводит взгляд на меня, и в этом взгляде слишком много всего: надежда, страх, ожидание, желание услышать хоть какое-то определение.

А я сижу и понимаю: каким бы ни был мой ответ – это будет выбор. Для неё. Для него. Для меня.

Для того хрупкого баланса, который я до сих пор пытался удержать.

И именно поэтому такие моменты меня бесят сильнее всего.

Потому что сейчас я стою перед выбором.

И честно – не знаю, какой из вариантов будет правильным.

Глава 6

Я стою и понимаю: пауза, которую я себе позволил, уже затянулась.

В голове успело пролететь куда больше, чем несколько секунд, но снаружи это выглядит как неловкая тишина перед ответом – а такую тишину в этой ситуации терпеть нельзя. Но прежде чем открыть рот, я смотрю на троих перед собой – и каждый из них говорит со мной без слов.

Ксюша.

Она ждёт того самого ответа, который для неё очевиден. Она даже не пытается его скрывать – глаза выдают её раньше любых слов. На публику я могу делать вид, что ничего не замечаю, могу играть в холод, могу прятать эмоции под привычной сухостью, но правду я давно прочитал. И знаю: сейчас одно моё слово может стать либо поддержкой, либо ударом.

Женёк.

У него напряглись скулы, пальцы побелели от хватки. Он хочет вмешаться, хочет вытащить меня из этой ловушки, но понимает: не его бой, не его поле. Он даже шутку вставить не может – слишком тонко чувствует, что одна неправильная фраза обрушит всё. В нём сейчас больше верности, чем ему самому кажется.

И Демид.

Стоит и наблюдает с удовольствием человека, который сам расставил фигуры на доске. Он видел наш вход. Он видел момент, когда вручил Ксюше цветы. Он видел мою паузу. И теперь смотрит, как всё это сыграет. Это не искренний интерес – это контроль. Это расчёт.

«Ладно... отвечай», – думаю я. Ответ у меня уже сформирован. Осталось только выдохнуть.

Евгений, войдя в VIP-комнату, с самого начала понял: что-то здесь не так. Поведение нового знакомого – Демида – заставило его вспомнить то, что он всю жизнь старался не возвращать в память. Он сам не любил такие триггеры: один неловкий жест, один чужой взгляд – и прошлое внезапно поднимается из глубины, как будто никогда никуда и не уходило.

Он видел, как тот пожал руку Роме тогда у канцелярии. Видел, как что-то в этом действии было лишним. Неправильным. Как будто рукопожатие было только ширмой. И вот теперь та же холодная игра началась здесь – с цветами, с вопросом, с расстановкой людей по местам.

Это напомнило Женьку о той жизни, от которой он ушёл. Не потому, что она была ужасной, нет. Просто там были люди, с которыми не нужно встречаться. Не враги – просто те, к кому не хочешь возвращаться.

Когда он вошёл в зал и увидел пару знакомых лиц, он даже шаг сбавил.

Тихо, не привлекая внимания, спрятался за Ромой – пусть лучше подумают, что он один из обычных гостей, лишь бы не узнавали. Он надеялся, что они не заметили. Очень надеялся.

Но, несмотря на это, он чувствовал себя здесь не чужим. Нет, он вырос в таких местах. Он знал подобные залы, подобную манеру поведения, подобные разговоры. Он просто давно выбрал другую жизнь. И та другая жизнь, где пахнет машинным маслом, а не дорогими духами, где спорят о выхлопе, а не о политике, оказалась ему куда ближе.

А сейчас – рядом с Ромой и Ксюшей – он нашёл то, чего не ожидал.

Настоящее. Они оба стали для него своими.

Роман – со своим странным взглядом на мир, с умением распутывать узлы там, где другие даже не видят верёвки.

Ксюша – со своей живостью, колкостями, с тем, как она всё это время вытаскивала себя из ямы.

И он привязался к ним сильнее, чем хотел признать.

После того, как он прошел клятву о неразглашении в канцелярии, ему нужно было оформить и трудовой договор. Рома, как обычно, не хотел иметь дело с бумагами – отдал всё Ксюше.

И Ксюша увидела его анкету. Настоящую. Ту, что отправляется в канцелярию. Она знала, кем он является на самом

деле. Но посмотрела так, будто не увидела ничего лишнего. И больше ни словом, ни жестом дала понять Роме, что держит в руках небольшой секрет. Не тайну – просто часть его биографии, которой никому не хотелось бы светить.

Это стало маленьким немым соглашением между ними.

Он видел, как Ксюша смотрит на Рому. Это уже было не просто «интересно работать». Это была влюблённость – такая, какая бывает только в двадцать: яркая, неровная, дерзкая.

Он видел и то, как Рома, этот сухарь, упорно делает вид, что ничего не замечает. Хотя по глазам было видно: не хочет ломать её. И не хочет обещать то, что не может дать.

А теперь – эта сцена.

Цветы.

Провокация.

Вопрос, бьющий точно по больному месту.

Женя на мгновение вышел из воспоминаний и снова увидел Демида. Того, кто наслаждается чужим дискомфортом. Кто ставит Рому в неудобное положение. Кто играет Ксюшей.

И ему, честно, хотелось дать этому красавчику в морду.

Но это был не его бой.

И он стоял, сжав челюсть, понимая: Рома должен справиться сам.

Я сделал шаг – самый обычный, ничем не примечательный, но именно он должен был поставить точку во всей этой затянувшейся паузе. Набрал воздух в лёгкие, уже готовясь произнести то самое слово, которое и должен был произнести. Всё.

Время пошло.

И в тот же миг, синхронно со мной, шагнула она.

Ксюша уверенно потянулась к букету, перехватывая его так, будто это был не подарок, а щит, который она ставит между мной и Демидом. Повернулась, подняла подбородок – и я увидел, что она тоже раскрывает рот, собираясь говорить первой.

Она сделала это специально. Она решила ответить за меня. Ответить там, где я должен был произнести своё.

Всё было подготовлено заранее.

Сейчас Демид смотрел на Романа с откровенным удовольствием.

Он любил такие сцены – когда люди оказываются в неудобном положении, не знают, куда себя деть, кому что ответить и как выкрутиться, не потеряв лицо. Любил наблюдать, как пауза между вопросом и ответом превращается в петлю, а каждый лишний вдох только сильнее затягивает её на шею собеседника.

И ради этой конкретной паузы он поработал очень тщательно.

Маг иллюзий – слишком ценный ресурс, чтобы надеяться на случай.

Маги в Империи вообще стоили дорого, а иллюзионисты и ментальщики – вдвое дороже. Боевого мага, вроде него самого, всегда можно заменить: винтовкой, автоматом, ракетой, на крайний случай – десятком хороших стрелков. Сила есть сила, она восполнима.

А вот такой человек, как Ксюша, – нет. Иллюзии и работа с восприятием – это не про мощь. Это про контроль. Про проникновение. Про управление ситуациями, в которых грубая сила только всё ломает.

Он собирался становиться Императором теневого мира Империи.

Подмять под себя всю криминальную часть, выстроить свою невидимую вертикаль, заставить и контрабандистов, и бандитов, и подпольных дельцов играть по его правилам. Для этого ему нужны были не просто бойцы. Ему нужны были такие, как Ксюша.

Готовиться он начал задолго до сегодняшнего вечера.

Сначала была не она – сначала была её мать.

Та самая дура, та самая «овца», которая пятнадцать лет назад вместе с родом потеряла статус, но так и не догадалась смириться с этим. Большинство опальных аристократов в таких ситуациях предпочитали исчезнуть: сменить фамилию,

уехать из города, уйти в глубинку, устроиться на обычную работу и сделать вид, что никакого титула никогда не было.

Пережить падение, зацепиться за нормальную жизнь и больше не подставляться.

Авдосья пошла другим путём.

Может, она и не была по-настоящему глупой, но тщеславной была до мозга костей.

Ей хотелось, чтобы её любили, чтобы вокруг неё собирались люди, чтобы в доме шумели вечеринки, чтобы она чувствовала себя центром маленькой вселенной. Ей было важно ощущать, что Империя крутится вокруг неё, а не она внутри Империи.

В собственной голове она всё ещё оставалась графской супругой, «почти аристократкой», даже когда по факту была никем. И долгие годы позволяла обращаться с собой соответственно – как с куском мяса, как с экзотическим лакомством на столе у тех, кто мог себе позволить необычную игрушку.

О ней Демид узнал случайно.

Один из баронов, который регулярно навещался к Авдосье «по личным делам», за бутылкой обронил почти шутя: мол, есть в Серпухове особа, которая своим «межножечным аппаратом» уже успела пропустить через себя половину местной аристократии и ещё приличный кусок соседних городов. И при этом у неё полно контактов, связей, слухов, пересудов – всего того, что привычно проходит через постель,

а не через официальные приёмы.

Для Демида это прозвучало как приглашение.

Он очень быстро понял, насколько удобно иметь такую женщину в качестве связной точки.

Никаких лишних вопросов: к Авдосье ходили все и по самым разным причинам. Один аристократ пришёл развлечься, получил то, за чем шёл, а заодно – нужную информацию, завуалированное предложение, предупреждение или намёк от человека, которого пока никто не знал как Тёмного Императора.

Пара сотен тысяч, перекинутая ей за услугу, – мелочь по сравнению с удобством и безопасностью. На неё никто не смотрел серьёзно, и именно поэтому она идеально подходила под его задачи.

Так всё началось.

А потом он узнал о Ксюше.

Оказалось, что у этой тщеславной, упрямой женщины есть взрослая дочь. И не просто красивая девчонка с аристократическими манерами, а маг. Причём маг с очень специфическим даром. В тот момент все первоначальные схемы изменились.

Он начал собирать досье на Ксюшу отдельно.

Подробно, почти педантично. Кто видел, где училась, как двигается, как разговаривает, что за люди вокруг, что любит, что не терпит. Параллельно он всё так же использовал Авдосью как удобный передатчик, но центр интереса постепенно

сместился. Теперь его интересовала не женщина, по которой прошли аристократы, а та, кто росла рядом и научилась выживать в этой среде.

Особняк Авдосьи оказался для этого идеальной площадкой.

Дом был большой, красивый, хорошо подходил под любые торжества. К тому моменту уже висело объявление, что «в поместье можно провести праздник». Демид, не раздумывая, начал арендовать его под вечеринки. Для него это было сразу несколько ходов в одном:

это объясняло происхождение денег Авдосьи – те самые средства, которые она якобы тратила на борьбу с «болезнью», о которой знали многие аристократы;

это давало официальную картинку: праздники, гости, музыка, всё прилично, никакой грязи, всё, как любит высшее общество;

это позволило ему без лишнего шума наблюдать за Ксюшей и теми, кто её окружает.

Болезнь, про которую все говорили, была удобной легендой. Формально её «лечили», собирали деньги, сочувствовали.

На данный момент Авдосья уже давно спрятана в надёжном месте, и Демид до сих пор прикидывал, что с ней делать дальше: вытащить снова на свет в качестве ещё одной пешки, которую можно будет скинуть при первом удобном случае, или оставить в подполье, как запасной инструмент на

чёрный день.

Ксюшу же он изучал тщательно и аккуратно.

То, как она работала с иллюзиями, ему нравилось.

Большинство магов её специализации умеют либо менять собственную внешность, создавая образ другого человека, либо размывать контуры и заставлять мозг окружающих просто не замечать их.

Ксюша же умела больше. Она могла наложить иллюзию на себя и выглядеть как другой человек, а в следующий миг – сменить маску и превратиться в обычный предмет. Мусорный бак. Коробку. Ящик. То, по чему глаз скользит и не цепляется.

Так она и дурила всех тех детективов, которых нанимал Драгомиров.

Сначала Элизабет, убегающая в подворотню. Потом – тишина и пустой проход. Охотник заходит следом, осматривается, не видит никого и уходит, уверенный, что упустил цель где-то раньше. Никому и в голову не приходило, что буквально в двух шагах от него стоят и смотрят ему в спину – урна, контейнер или неприметная коробка, в которую так удобно превратить себя, если умеешь.

Такой ресурс терять было нельзя. Он видел в Ксюше не только инструмент, но и перспективу.

И тут появился этот чёртов детектив.

Роман вывернул часть схемы наизнанку, подставил под удар людей, которых Демид привык считать расходным ма-

териалом, и главное – вмешался в момент, когда оставалось сделать всего пару шагов до окончательного захвата.

Ещё немного – и Ксюша оказалась бы в его руках. Не в буквальном смысле, нет. Скорее – на контракте, в системе, в той невидимой паутине, которая уже сплеталась вокруг аристократии. Её можно было бы продавать тем, кому нужны её способности. Предоставлять услуги «под ключ» тем, кто готов платить за идеальные исчезновения и безупречные маски.

Встреча у канцелярии не была случайной прогулкой. Он поехал туда не только ради детектива. Он хотел увидеть их рядом: Романа и Ксюшу. Хотел посмотреть, кто кем управляет, кто на кого опирается, кто кого защищает. Заодно – проверить, не переоценил ли он самого Романа, и правда ли тот стоит всех затрат, которые уже были вложены в эту игру.

А сегодняшняя ночь была логичным продолжением.

VIP-комната в «Чёрном Лебеде» досталась ему непросто.

Пришлось поднять несколько контактов, про которые он надеялся не вспоминать ещё пару лет.

Пришлось показать, что у него есть выходы на тех, кто обычно не обслуживает «просто баронов». Пришлось заплатить – и деньгами, и обещаниями. Он прекрасно понимал, что этим немного подставляет себя: слишком раннее проявление настоящих связей всегда оставляет следы. Но ради такой партии стоило рискнуть.

Он подготовил зал, продумал меню, заказал те блюда, ко-

торые, по информации из досье, Ксюша ела с удовольствием. Учёл, какие фрукты она предпочитает, какие напитки не вызывает у неё неприятия, какие цветы она не выбрасывает на следующий день.

Взял огромный букет – сто двадцать одну розу, букет из длинных, ровных, дорогих цветов. Для кого-то это просто понт. Для него – часть рассчитанного хода. Если она хотя бы чуть-чуть похожа на свою мать, деньги и внимание аристократа должны были сработать.

А затем она вошла.

Не распушенная, не кричащая, не одетая так, как одеваются девушки, готовые продаться за первый же взмах кошелька.

Платье – да, сексуальное, подчёркивающее фигуру. Но при этом не вульгарное, не откровенное до пошлости. В этом был вкус. В этом была голова. В этом была та разница между «овцой, которая считает себя графиней», и девушкой, которая выросла в этой кривой среде, но не перестала думать.

В тот момент у Демида и родилась мысль, которая сама по себе показалась ему забавной.

Почему бы не рассматривать её не только как ресурс?

В прошлой жизни он годами ловил преступников. Внедрялся в банды, налаживал контакты, жил под чужими именами, ходил по тонкому льду. Он видел, как сажают наркобаронов, как громят организации, как по телевизору показывают задержания, сопровождая их пафосными речами. И каждый

раз всё заканчивалось одинаково: в заголовках сияли имена пойманных, а не того, кто проделал всю грязную работу.

Ни разу за всё время он по-настоящему не получил того признания, которого считал себя достойным.

Максимум – рукопожатие куратора, сухое «молодец, отлично справился», лёгкий удар по плечу. И всё. Дальше – новый объект, новая разработка, новые годы, которые он тратил без права на собственное лицо и собственную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.